

Английские встречи

Британский музей. Здесь можно увидеть и советы Шекспира, изданные еще при

А. ХАЧАТУРЯН

жизни поэта в 1609 году, и первое собрание его сочинений, вышедшее в свет лишь после его смерти, и шедевры греческого искусства, рукописи, которым от роду две тысячи лет, и еще более древние античные мозаики... Вы ходите по кругу читального зала, где к услугам читателей в хранилище имеется пять миллионов книг. Здесь, в Британском музее, работали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Здесь Владимир Ильич Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм».

Бывая в музеях изобразительного искусства в Лондоне, я имел не один случай убедиться в том, что простые люди обладали здоровым и хорошим вкусом. Во всяком случае наибольшее скопление народа и в Национальной галерее и в Тейтсовской галерее наблюдалось возле шедевров реалистической живописи и скульптуры, а внимание зрителей к произведению художника и есть, по моему разумению, показатель вкуса и предпочтения народа.

Беллини, Рубенс, Рембрант, Рафаэль, Ван-Дейк привлекают посетителей Лондонской национальной галереи точно так же, как экскурсантов Ленинградского Эрмитажа. Нормальные люди — везде люди, им всем свойственно чувство прекрасного, и я, например, уже в этом вижу основу для международного обмена и ознакомления с величайшими духовными ценностями, которыми располагает каждый народ.

Большое впечатление произвели на меня картины английской школы — полотна Томаса Гейнсборо, Джонса Рейнольдса, Дж. М. У. Тёрнера.

Тейтсовская галерея создана сравнительно недавно — в конце прошлого века — принцем Уэльским. Три тысячи произведений английских художников и пятьсот образцов иностранной живописи и скульптуры дают почти исчерпывающее представление о беспорочном преимуществе великого и одухотворенного реализма Тёрнера и

стов и французских кубистов. Что касается импрессионистов, то здесь дело представляется несколько сложнее. Глядя на шедевры Дега и Ренуара, я подумал, что некоторые критики не совсем правы, причисляя их к импрессионистам, и что спор о роли этих художников в истории искусств и, главное, об эмоциональном воздействии их творчества на зрителя, повидимому, еще далеко не закончен. Не о реакционных теориях, в избитых нагроможденных вокруг этого течения, идет сейчас речь, а о конкретных произведениях великих живописцев. Их творения светлы, заразительны по настроению, красивы.

Но не скрою, что меня решительно не удовлетворяет «новейшая скульптура», представленная в этой галерее. Так же, как в случае с попыткой уверить меня в «свободном тяготении» к безидейности и абстрактности музыки у некоторых английских композиторов, я не мог не поставить под сомнение их свободу и их безидейность, полагая, что и в ней есть своя, только реакционная идея.

Возможно, Реджинальд Батлер создавал свою «Женщину» из кованого железа, повинувшись безотчетному «вдохновению»; допустим, Альберто Джакометти, делая из бронзы «Человека указующего», отдавал себя «требуемому» и «высокому» порыву, который заставляет творца высказаться в своем создании. Но почему все это появляется почти одновременно и столь однотипно именно по идеям отрицания красоты, силы и гармонии человека? Почему так негуманно это «искусство», которое видит лишь одну возможность высказаться — отречься от своего человеческого начала, от всего лучшего, что в нем есть, представить женщину в виде отвратительной железной конструкции, а мужчину — диспропорциональным, почти лишенным головы существом? Откуда это идет? От «свободы» творчества, от «индивидуальности» (но почему же тогда столь похожего друг на друга?) видения мира? Не верю я в это!

Мне показали картины художника Уист-

лера — американца, жившего в Англии и во Франции, уверяя, что, дескать, такой импрессионизм в живописи находил прямой отклик и в музыке, что Дебюсси, увидев картины Уистлера, написал свои ноктюрны... А я не мог уловить связи между сумрачным, туманным колоритом произведений этого художника и светлым, прозрачным настроением музыки Дебюсси.

К чести англичан надо отнести не только их явное предпочтение здоровому и ясному искусству, но и то, что среди его нынешних деятелей не так уж много законченных формалистов. По сравнению, скажем, с музыкой или живописью современных «законодателей мод» в других странах Запада англичане куда как «постытели». Меня лично это радует потому, что позволяет говорить по крайней мере о двух отрадных фактах. Первый выглядит как обобщение: хороший вкус здорового народа, традиции его независимости, самостоятельности и в искусстве вечны. Второй — частный: виденные мною работы современных художников, слышанные произведения современных композиторов далеко не все отвечают требованиям «свободных» «измов». И то, что было в этих работах хорошего, живого и убедительного, позволяло мне верить в прочность реалистической сущности английского искусства и его лучших представителей.

Этой оптимистической уверенности в настоящем и добром будущем английского искусства в немалой степени способствовал лондонский театр, и прежде всего «Олд Вик», где я видел шекспировского «Макбета». Ввали от шума и оживления фешенебельного театрального района усилиями нескольких энтузиастов, возглавляемых Лилиан Бейлис, был создан этот скромный театр, в котором простой рабочий люд может за умеренную плату посмотреть творения Шекспира, театр, выступление в котором почитают за честь лучшие артисты страны.

Этот театр покорила меня. И если бы надо было одним словом ответить на вопрос «чем?», то слово это было бы — «реализм». Реализм игры здесь захватывает и покориет сразу. Как самый обыкновенный зритель я был восхищен превосходной игрой актеров, которые умеют передать залу владеющие ими чувства и страсти без всяких внешних усилий.

Жизнь реализм и на оперной сцене Англии. «Кавалер роз» Рихарда Штрауса, не-

смотря на все тяготеющие над автором обвинения в модернизме и прочих смертных грехах, идет в Ковент Гардене как последовательно реалистический спектакль. Думается, основы для реалистического его решения режиссером Христофором Вестом и отличным дирижером Рудольфом Кемпе были найдены в музыке. Она выразительна, богата по фактуре, полифонична, великолепно оркестрована, в ней — целый поток ярких, впечатляющих мелодий. Ковент Гарден — лучший оперный театр Англии, и то, что именно в нем я убедился в парящем и здесь здоровом и хорошем вкусе, дало мне немалое удовлетворение.

В Англии мы повсюду встречали добрых и бескорыстных друзей нашей Родины, друзей мира.

Очень тепло прошла встреча советских артистов с горняками Кардифа. Я уже не говорю о выдающемся успехе Петрова и Фирсовой, Стручковой и Лапаури, — наши концерты повсюду проходили при аншлагах. Вспоминается, как во время концерта жены шахтеров за кулисами приготовили для нас чай с бутерблогами. Они угощали нас с материнской лаской и заботой, в их словах, вопросах и коротких замечаниях о жизни было столько сердечного тепла и внимания, что мы сразу почувствовали себя среди людей, необыкновенно близких нам по духу, людей, глубоко верящих и твердо знающих, что советские люди — их верные друзья. Та же атмосфера доброжелательности царил и на официальном обеде, который устроил в честь советских артистов в Кардифе доктор Джерман. И те интеллигентные люди, которых я узнал на этой встрече, так же хорошо расположились к нам, советским людям.

Учительница, подвозившая меня на своей машине из Бирмингэма в Стратфорд, гордо говорила нам о том, что она не хочет, чтобы школы росли в подземных убежищах. Учительницу зовут Джоун Лейтон. Она мать двоих детей, муж ее, инженер-электрик, целиком разделяет ее точку зрения. Наш разговор показал, как важен не только общественный, но и личный момент в развитии дружеских отношений между различными народами.

Мы совершали это путешествие в холодную погоду. Прогнознув в машине, мы решили зайти в придорожный бар по-

греться и перекусить. Нас встретил услужливый и любезный бармен, с которым мы разговорились о жизни, о торговле, о том, что необходимо для ее развития. И отсюда разговор перешел к острой, волнующей всех простых людей теме — о войне и мире.

— Не хочу, не надо войны! Не надо ни мне, ни вам, ни моей дочке! Вы только подумайте: она росла в бомбоубежище. Первое слово, которое она сказала, было не «па» и не «ма», а «в-в-в-з-ж-ж-ж!». Это она показывала, как летят ФАУ-1, которыми гитлеровцы нас обстреливали...

Когда в соборе Бристоля священник, услышав русскую речь, подошел к нам, сияя улыбкой и говоря, что он очень любит музыку и что наш язык кажется ему самым музыкальным из всех ему известных, о том, как он мечтает попасть в нашу страну, мы не могли не почувствовать живой симпатии к нашей Отчизне и здесь, под торжественными церковными сводами.

В Манчестере мне довелось дирижировать великолепным Халле-оркестром. В его репертуаре немало произведений русских классиков и советских композиторов. В программе концерта среди других произведений исполнялась увертюра «На дне» английского композитора Эльгара, музыка которой отличается красотой и богатством мелодий. В произведении этом звучат пасторальные мотивы, их сменяет грозно звучащая тема войны, которая постепенно затихает: возвращаются мелодии света и труда, ибо, как пишет автор программы концерта, «войны проходят, а пастухи остаются».

Да, труженики, создатели всех материальных и духовных ценностей народа, не только остаются, но все больше и больше значат в том огромном историческом процессе, который именуется движением сторонников мира. Их уже не устраивает то, что «войны проходят», им важно, чтобы они и не приходили. Разумеется, в их стране остаются еще и злые силы, но Англию мы любим именно за ее простых и добрых людей — больших тружеников, скромных и стойких. Мы встречались с ними на каждом шагу — и в столице, и у горняков Кардифа, и на приеме у лорд-мэра Бирмингэма, и в рабочих кварталах Манчестера. И впечатления от этих встреч остались главными среди всех впечатлений, полученных мною в Англии.

Окончание. Начало см. в № 150 от 8 декабря 1955 г.

«Советская культура», 13.XII.1955 г. Москва